

Мы покупали органы в обмен на сырье

В начале января 75-летний юбилей отметил один из самых ярких российских и мировых органистов Гарри ГРОДБЕРГ.

— Гарри Яковлевич, консерваторию вы окончили сразу по двум классам: фортепиано и орган. С фортепиано все более-менее понятно, а как в вашей жизни возник орган?

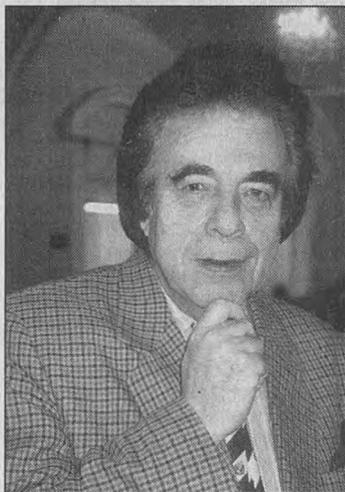
— Органная музыка околдовала меня еще в детстве, потому что я родом из немецкой части Литвы. Как музыкант, я являлся фанатичным приверженцем Баха, в чьем творчестве произведения для органа составляют существенную часть. Поэтому я всегда мечтал быть властелином этого универсального инструмента.

— Где-то я вычитал, что вы были первым музыкантом в России, сыгравшим сольный концерт на органе.

— Это так, но только отчасти. Раньше, даже еще в 50-х годах XX века, органной культуры в таком виде, как она существует сейчас, в России действительно не было. Большинство органичных концертов в то время проходило с участием других исполнителей: хор, струнные и так далее. Я был одним из первых исполнителей, поломавших эту традицию.

— Правда ли, что ваше первое сольное выступление состоялось благодаря Святославу Рихтеру?

— По его рекомендации я был принят на работу в Московскую филармонию. Рихтер дружил с моим учителем — Александром Федоровичем Федике. И мы со Святославом Теофиловичем довольно часто общались. Он очень любил со мной говорить на немецком, которым владел совершенно свободно. Когда передо мной встал вопрос, как жить после окончания консерватории, потому что органов тогда было мало и в начале своей карьеры я фактически нищенствовал, Рихтер сказал, что верит в меня и мое будущее. И позвонил в дирекцию филармонии, куда меня сразу же приняли на договор без га-

Г. Гродберг

рантии оплаты, пояснив при этом: "Рекомендация Святослава Рихтера для нас — закон, но скажите, молодой человек, на какие средства вы собираетесь жить? Ваш Бах народа не соберет". Но с первых же моих концертов, посвященных Баху, народ повалил в Большой зал консерватории.

— Благодаря вам в нашей стране было построено несколько десятков органов.

— Точное число инструментов, появившихся при моем участии, затрудняюсь вам назвать, но где-то около семидесяти. Я придумал способ приобретения органов через Варшавский договор. Наша страна, как участница СЭВ, покупала у других стран этого блока оборудование в обмен на собственные промышленные изделия и сырье. И мне пришла в голову смелая идея, что точно таким же образом можно привозить в нашу страну органы. Так был образован Совет по органостроению, который возглавлял чиновник (на разных этапах это были разные люди), а я являлся его заместителем и делал практически всю работу, связанную с проектированием, подготовкой и установкой инструментов. Мне пришлось очень многому учиться на ходу. По су-

ти, с годами я приобрел вторую специальность.

— Есть ли из этих семи десятков наиболее дорогие для вас инструменты?

— Это примерно то же самое, что спросить у родителей, кого из своих детей они больше любят. Все инструменты мне очень дороги, и я до сих пор озабочен их судьбой. А в то время я порой чувствовал себя как буржуазный специалист в 1917 году. Поскольку был беспартийным и мне нередко приходилось приезжать в города, где секретари обкомов требовали установки органов, не имея для этого никаких условий, только потому, что тогда это считалось престижным. Иногда дело доходило до абсурда. Как-то приехал в город, где целых три дня меня возили по различным достопримечательностям вроде винзавода, сауны, мест рыбалки и охоты, а когда я взмолился: "Покажите мне наконец место, где собираются установить орган", показали полуразрушенное здание старой мельницы из красного кирпича, к тому же без крыши. Естественно, инструмент установить там было невозможно.

— Когда вы начинали свою деятельность, орган, наверно, воспринимался неким пришельцем западной культуры, и захлестнувшая наша общество в 50-е годы борьба с космополитизмом не ударила ли вас рикошетом?

— Я столкнулся с другими проблемами. У меня как у прибалтийского еврея для тех лет была очень плохая анкета. Только с начала перестройки мне начали открываться двери в смысле зарубежных поездок, званий и так далее.

— С появлениями ярого антисемитизма вам доводилось сталкиваться?

— Да, ведь в те годы это было официальной политикой, что я постоянно на себе чувствовал. Помню, директор филармонии, объясняя, почему он не может для меня сделать то или иное, как бы извиняясь, говорил: "Мы все к тебе хорошо относимся, очень тебя любим, но ты же должен по-

нять, что у тебя очень плохая анкета".

— Но при этом, рассказывают, что иногда даже с гастролей вас вызывали в Пицунду играть для отдыхающих там членов Политбюро.

— Да, я играл для Суслова, Кирилленко, Капитонова, Косыгина, Шеварднадзе и многих других. Эти концерты всегда для меня были неожиданными, поскольку о предстоящем выступлении мне сообщали в последние минуты. Помню, однажды в аэропорту Одессы меня вызвали в справочное бюро и сказали, что я должен сдать свой билет в Москву, потому что мне предстоит лететь в Сухуми. В Сухумском аэропорту меня сажали в черную "Волгу", на которой везли в Пицунду. Никакого личного общения, а тем более отношения с членами Политбюро у меня не было и быть не могло. Они меня слушали, через местное руководство передавали свою благодарность, дарили цветы, иногда ящик с вином, но за все свои выступления там я ни разу не получил гонорар.

— На концертах вы в основном играете музыку XVIII — XIX веков, да и вообще орган воспринимается как атрибут старины. Есть ли будущее у этого инструмента?

— С таким же успехом можно сказать, что атрибутом старины является вся классическая музыка. Наверное, правильной поставил вопрос: а есть ли будущее у нее? Если посмотреть телевизор, поговорить с молодежью, видно, что число тех людей, которые являются энтузиастами этой культуры, все время уменьшается. Даже среди моих знакомых довольно много людей, которые просто боятся классической музыки. Хотя я лично верю в бессмертие классической музыки и в то, что это одна из высших точек развития человеческой культуры, но в целом мы видим ослабление ее значения для современного общества.

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ
Фото Натальи ЛОГИНОВОЙ